

Выпроводив Юн Шэна, Юн Шань остался в одиночестве. Он долгое время сидел во внутренних покоях и размышлял. В какой-то момент Юн Шань всё же нарушил тишину, позвав слуг, и как только те вошли, отдал приказ:

— Немедленно приведите ко мне Юн Линя. Если матушка Шу начнёт задавать вопросы, передайте, что мне крайне необходимо обсудить с ним одно важное дело.

Затем Юн Шань подозвал к себе ещё одного слугу, чтобы отдать следующий приказ:

— Когда Юн Ци закончит ужинать, проводите его в боковую комнату и помогите устроиться. Не позволяйте ему заходить в мои покои. Также я хочу, чтобы Чан Дэфу лично присматривал за ним, нет необходимости приставлять к нему других слуг, этих неуклюжих неумёх, они лишь будут мешать ему выполнять свою работу.

Время тянулось очень медленно, всё больше нагнетая атмосферу, но наконец Юн Линь, в сопровождении придворных слуг, в спешке прибыл во дворец наследного принца. Он так торопился, что, несмотря на холодную погоду, на его лбу появились капельки пота, а на лице проступил лёгкий румянец.

Прямо с порога Юн Линь обратился к Юн Шаню:

— Старший брат! Мне сказали, что ты отдал приказ срочно доставить меня сюда, что-то случилось? Неужели твоё состояние из-за раны снова ухудшилось? — Говоря это, юноша сделал широкий шаг в сторону старшего брата, намереваясь осмотреть рану.

Юн Шань промолчал. Юноша махнул рукой, отдавая слугам приказ покинуть покои. Проводив взглядом слуг, покидающих внутренние покои и наглухо закрывающих двери, Юн Шань тут же поднялся со стула и перевёл свой взгляд на Юн Линя. Секунду спустя раздался звонкий шлепок от пощёчины.

Будучи обеспокоенным состоянием здоровья брата, Юн Линь и думать забыл о бдительности. Всё его внимание переключилось на рану старшего брата, которую он был намерен осмотреть, как вдруг ладонь Юн Шаня с силой приложилась к его щеке. Громкий шлепок эхом разнёсся по комнате. Удар был такой силы, что Юн Линь почти рухнул на пол, но всё же устоял, сделав лишь несколько неловких шагов в сторону в попытках восстановить равновесие.

Юноша совсем не ожидал пощёчины: он настолько растерялся, что не сразу понял, что произошло. Юн Линь машинально прикоснулся рукой к мгновенно покрасневшей щеке, на какое-то время его взгляд застыл на брате, пытаясь осмыслить произошедшее. Несколько мгновений спустя Юн Линь наконец пришёл в себя, и, придя в ярость, он закричал:

— Ты что, с ума сошёл?!

Юн Шань даже не шелохнулся, сурово уставившись на своего близнеца, встречая его яростный взгляд с абсолютным хладнокровием, после чего спокойно произнёс:

— Не я сошёл с ума, а ты.

От таких слов Юн Линь вконец потерял самообладание, его просто трясло от злости. Сначала его ударили безо всякой причины, так теперь он ещё и должен выслушивать эти оскорбления!

— Ты... ты...ты... — Если бы не всё ещё незажившая рана Юн Шаня, то Юн Линь уже давно пошёл бы на поводу у своей импульсивности и набросился бы на близнеца, абсолютно игнорируя тот факт, что его старший брат всё же наследник престола. Без всяких угрызений совести он бы отделал его, как следует. Но юноша держался, костяшки пальцев начали белеть от того, с какой силой он сжимал кулаки.

— Хорошо, но, может, в конце-концов, объяснишь, за что ты ударил меня? — с обидой в голосе спросил Юн Линь.

— За что? За то, что ты, дурак, самовольно взял письмо из Дворца Наказаний и помог передать его лично в руки заключённой, совсем не задумываясь о последствиях! — от рыка Юн Шаня, казалось, задрожали стены.

Стоило напомнить Юн Линю о его проступке, как юноша, понимая, что это действительно его вина, понуро опустил голову. Нахмурившись, он недовольно пробурчал:

— Разве ты уже не бил меня из-за моего проступка?

В покоях были только они вдвоём, и потому Юн Шань не мог не услышать его бормотание. Совсем разгневавшись, юноша озлобленно произнёс:

— А ты думал от такого проступка отделаться лишь одной пощёчиной?

— Я уже и так прекрасно понимаю, что совершил ужасную ошибку! — Юн Линь поспешно поднял голову и недоверчиво посмотрел на старшего брата: — Ты сейчас срываешь на мне свою злость, но, готов поспорить, уже после пары ударов ты тут же прогонишь меня. Но потом ты разозлишься снова, и всё повторится. Неужели так будет каждый раз? И ты думаешь, что я буду сидеть и ждать твоего зова, как какой-то жалкий пёс, чтобы ты снова сорвал на мне свою злость, позволив тебе избивать меня?

— Именно так я и думаю. У тебя имеются возражения? — губы Юн Шаня искривились в жуткой улыбке. — Я наследник престола, а ты лишь сын императора и мой верный слуга. А слугам на роду написано служить правителю. И если я пожелаю, то в любое время могу позвать тебя сюда, чтобы выпустить пар, как следует размяв кулаки. Даже если ты недоволен таким положением дел, у тебя нет выбора.

Юн Линь, уже закипая от злости, воскликнул:

— Если ты хотел меня избить, так почему же не сделал этого на глазах у матушки? Почему ты сразу остановился, когда она была здесь? — Он вдруг замолк, как будто что-то понял, и с недоверием поглядел на Юн Шаня: — Я понял. Перед матушкой ты строишь из себя добренького и относишься ко мне, как полагается хорошему старшему брату. Но на самом деле... На самом деле ты ненавидишь меня.

Юн Шань тоже был на пределе, голова шла кругом от злости, но он без колебаний кивнул:

— Верно! — яростно прошипел он. — Ты, конечно, считаешь себя умным, но как бы там ни было, знай, я испытываю к тебе отвращение. Во всём мире я люто ненавижу лишь одного человека, и это ты! Ты просто ни на что не годная размазня без каких-либо стремлений! К тому же ещё и мастер вляпываться в неприятности! Небеса слепы[1], иначе как они могли ниспослать нашей матушке такого слюнтяя!

— Ах вот как! Так значит, ты постоянно испытывал ко мне отвращение. — Юн Линь набрал в лёгкие побольше воздуха и гневно произнёс: — Ты свысока смотрел на своего младшего брата, к тому же выходит, из всех братьев ты больше всего ненавидишь меня. Хотя ты и мой родной старший брат, но старший брат Юн Ци ко мне намного добрее! — Чем больше Юн Линь говорил, тем громче становился его голос.

Юн Шань услышал имя «Юн Ци», и это сочетание звуков словно подлило масло в огонь. Вены на шее вдруг проступили через кожу, и юноша гневно закричал на Юн Линя:

— Да кто захочет быть твоим родным старшим братом? Ты с Юн Ци — пара близких братьев, что ты, что Юн Ци — оба ни на что не годные и бесполезные. Мало того, что вы заслуживаете собственной смерти, так ещё и других хотите утащить на дно! Вы просто обуза!

— Ты считаешь, что я обуза? Хорошо! Прекрасно! В конце концов, сегодня ты сказал мне это в лицо.

— Да, я уже давно хотел тебе всё высказать.

— Ты не смотришь на меня, как на своего младшего брата. Ты избил меня только ради того, чтобы сорвать злость! Просто взял и сорвал на мне злость!

— Верно! Именно это я и сделал! И сейчас, когда мой гнев отступил, у меня поднялось настроение, а тебе самое время убираться вон!

Злость и обида не отпускали Юн Линя. Его глаза покраснели, юноша разрывался между отчаянным желанием разрыдаться или пуститься в бой. Продолжая крепко сжимать кулаки, Юн Линь сверлил Юн Шаня гневным взглядом.

Заметив, что юноша не двигается с места, Юн Шань указал рукой на дверь:

— Убирайся вон!

Юн Линь не выдержал и, громко крича, словно раненый дикий зверь, выскочил из комнаты.

Слуги, что были вне стен покоев, услышали страшный рёв, после чего увидели выбегающего Юн Линя. Испугавшись, что что-то случилось, они поспешно ворвались в покои. Подойдя к дверному проёму, слуги услышали ледяной голос Юн Шаня:

— Кто осмелится войти, тому я лично отрублю ноги.

Слуги тут же остановились и переглянулись, в глазах каждого читался испуг. Все понимали, что если кто-то войдёт в комнату к Его Высочеству, то дни несчастного сочтены. Атмосфера стояла пугающая, навевая ужас на всех, кто находился поблизости. Так и не осмелившись переступить порог комнаты, с большой осторожностью слуги бесшумно закрыли дверь, и точно так же, не издавая звуков, удалились прочь.

Юн Шань сверлил взглядом закрытые двери. Резкая слабость внезапно одолела крепкое тело принца, заставив потерять равновесие, и он рухнул на землю, и удар как раз пришёлся по больной перебинтованной ноге. Боль была настолько сильной, что аж искры посыпались из глаз, а сам Юн Шань почти потерял сознание.

Он открыл рот и со свистом вдохнул немного холодного воздуха. Головокружение и слабость, мучившие его в первые мгновения, постепенно отступали. Только через некоторое время юноша с трудом прислонился спиной к ножкам стула и открыл потухшие глаза.

В голове царил хаос. Какие-то мысли заполняли его разум. Причём он их и сам плохо понимал.

Они, все они ненавидят его...

Матушка, Юн Ци — все они любили только Юн Линя, но не его.

Почему?

Они с Юн Линем были похожи, как две капли воды, и росли вместе. Но, несмотря на это, он, Юн Шань, выделялся, делая лучше и больше, чем Юн Линь.

Вот так он просидел на земле неизвестно сколько времени. Во дворце раздался звон колотушек, который своим лёгким и прохладным звучанием разбудил Юн Шаня. Открыв глаза, юноша удивился, глядя в темноту.

«Неужели уже час прошёл?»

«Я так долго и неподвижно просидел?»

Он пошевелился. Его руки и ноги почти онемели. Боль охватила уставшее тело. Он сидел на холодном полу, и его тело периодически била дрожь. Юн Шань понимал, что после ранения ему мёрзнуть никак нельзя, так как холод был вреден для тела. Юн Шань тихо ругался, ведь на самом деле рядом никого не было, кто бы мог ему посочувствовать и помочь. И сейчас ему пришлось самому, ругаясь, подняться на ноги.

Если он вот так замёрзнет, то, пожалуй, народ будет аплодировать, радуясь его смерти.

Юн Линь и Юн Ци будут жить вместе весело и счастливо. Матушка Шу пролила бы много слёз, убиваясь по старшему сыну, однако у неё всё равно оставался ещё один горячо любимый сын. А спустя пол года, а может быть даже год, всё все стало бы, как прежде, будто ничего и не было.

Он всегда был решительным и твёрдым, но сегодня в одно мгновение им завладело чувство любви. Ему трудно было сдерживать себя, и чем больше он думал, тем больше страдал и не понимал, ради кого всё-таки он терпит столько страданий?

Если ради себя, то это не делало наследного принца счастливым, наоборот, добавляло ещё больше тревоги.

Юн Шань неторопливо добрался до кровати и, почувствовав нестерпимую боль в ноге, опустил взгляд и посмотрел. На белом марлевом бинте проступило красное пятно крови. Вероятно, при падении он повредил рану, и она снова начала кровоточить.

Он холодно смотрел на собственную кровь, и спустя какое-то время юноше пришла в голову мысль, что нужно ещё раз перебинтовать рану.

— Эй, кто-нибудь, — позвал он.

Слуги, что находились за дверью, не осмелились отходить далеко от комнаты Его Высочества, но они внимательно прислушивались к каждому движению, доносившемуся из комнаты. Услышав голос Юн Шаня, они тут же распахнули дверь.

В комнату вошёл Чан Дэфу. Зная, что в душе наследный принц не доволен, евнух, действуя осторожнее, чем обычно, двинулся вперёд. Подойдя к Юн Шаню, Чан Дэфу вытянул руки вниз в знак уважения и, зависнув в поклоне, спросил:

— Ваш слуга здесь. Какими будут приказания, Ваше Высочество?

На молодом лице Юн Шаня не было ни единой эмоции, а сам юноша лишь произвольно указал на ногу:

— Перебинтуй заново рану. Я случайно задел её, и теперь она кровоточит.

— Слушаюсь. Ваш слуга немедленно сходит и позовёт придворного лекаря.

— Зачем звать придворного лекаря глубокой ночью? — Юн Шань был немного нетерпелив. — Лучше ты займись перевязкой.

Чан Дэфу не осмелился прекословить, лишь достал чистый марлевый бинт и начал перевязывать рану принца.

Юн Шань в кровати откинулся назад. Пока Чан Дэфу менял бинты, юноша закрыл глаза, желая отдохнуть, и рассеянно спросил:

— Юн Ци уснул?

— Ещё нет.

Юн Шань открыл глаза:

— Уже так поздно, почему он ещё не спит? Не привык?

— Это...

— Что «это»? Хватит мямлить. Если есть что сказать, говори.

— Его Высочество Юн Ци страдает бессонницей, поскольку... поскольку Его Высочество Юн Линь... — Чан Дэфу трусливо посмотрел на Юн Шаня. — Его Высочество Юн Линь выскочил из Ваших дверей и, усевшись в переднем дворике на заснеженную дорожку, расплакался. А прямо напротив дворика находятся окна комнаты Его Высочества Юн Ци. Его Высочество уговаривал выпустить его, но Ваш слуга не решился этого сделать, поэтому перегородил ему путь. Его Высочество Юн Линь снова... снова заплакал. Он очень страдает...

— Все его страдания — наглая ложь! — нервно выкрикнул Юн Шань.

Чан Дэфу тотчас же замолчал, не смея вымолвить и слова.

Юн Шань, выпучив глаза, смотрел вперёд, будто перед ним сейчас стоит Юн Линь. Его лицо слегка изменилось, став беспокойным, но вскоре оно вновь приняло отстранённый вид, а сам

Юн Шань тихо спросил:

— И как давно он сидит на заснеженной дорожке?

— Как только выскочил отсюда, так сразу сел.

Так давно? Сердце в груди Юн Шаня подпрыгнуло.

— Он всё ещё плачет?

— Уже успокоился, — вздохнул Чан Дэфу. — Только сидит и бездумно смотрит в одну точку.

— Вы что, все одурели? Почему не заставили его подняться?

Чан Дэфу, услышав осуждающие нотки в голосе Юн Шаня, поспешно шёпотом стал оправдываться:

— Мы все уговаривали подняться, но он не слушал нас. Ваш слуга всё же осмелился подойти к нему и попробовать поднять его на ноги. Однако, поднявшись на ноги, он снова уселся на снег. Это... это, ведь, Его Высочество Юн Линь, и мы не можем обращаться с ним невежливо и грубо...

— Хватит, нечего бормотать.

Юн Шань долго молчал, его взгляд упал на Чан Дэфу, который, в свою очередь, незаметно поглядывал на лицо Его Высочества наследного принца. Когда их взгляды случайно встретились, Чан Дэфу поспешно склонил голову, а его сердце испуганно забилось в груди.

Испытывая крайнее беспокойство, Юн Шань выпустил вздох, который был услышан евнухом.

— Иди и позови Юн Линя ко мне.

— Э... — удивился евнух.

— Иди быстро!

— Слушаюсь.

Вскоре слуга привёл в комнату Юн Линя.

Нога Юн Шаня уже была перебинтована, а сам юноша сидел на кровати и смотрел на младшего брата.

На улице было очень холодно, а Юн Линь провёл на снегу достаточно долгое время. И даже если на нём была надета тёплая соболья шуба, она всё равно не спасала его от холода. После морозного воздуха, внезапно оказавшись в тёплых покоях Его Высочества, у Юн Линя внезапно началась холодная дрожь, больше напоминающая дрожь от страха перепёлку.

Примечания:

[1]Само выражение "Небеса слепы" или "у Небес нет глаз" означает, что люди сокрушаются и жалуются на несправедливость Небес/Бога. Обычно это относится к тем людям, которые творят зло и блаженствуют в безнаказанности, и не получают заслуженного наказания. При этом люди имеют в виду, что у Неба нет глаз и оно не видит творящегося зла. Также эта фраза относится и бедным людям, у которых "на заброшенный уголок дома вновь неожиданно обрушивается ночной ливень, или лодка вновь опаздывает, встретившись с сильным ветром". Люди сокрушаются, жалуясь на несправедливость, также считают, что Небо несправедливо и не обращает на них внимания.

<http://bllate.org/book/13372/1189556>